

Арбатский благовест

Творчество Андрея Белого ныне переживает второе рождение. Выходят не издававшиеся многие десятилетия романы «Серебряный голубь», «Москва», печатаются неизвестные стихи, дневники. Даже из-за рубежа идет пополнение интересными материалами фондов недавно созданной музея-квартиры Андрея Белого на Арбате. Ее посетители с восхищением открывают для себя этого писателя, столь много и проникновенно написавшего о родном городе, что однажды побудило его выразиться так: «Стал Москвою я сам».

В числе его крупных произведений четыре «Симфонии» — четыре своеобразные книги, многие страницы которых по-

священы московской жизни. Эти творческие работы юношеского пера Андрея Белого строились по законам гармонии, вedomой мастерам словесности и музыки. Породив этот жанр, он стремился широко охватить все виденное и слышанное, запечатлеть поучительное и отталкивающее, сказать об этом незабываемо. С начала XX века «Симфонии» не выходили, лишь недавно исследователи и почитатели писателя дважды получили их собранными воедино — в сборнике произведений А. Белого «Старый Арбат» и в серии «Забятая книга».

Что волновало писателя-москвича на заре века? Какой видел он Москву, сочиняя свои небывалые «Симфонии» о ней?

«Стал Москвою я сам»

Градские вести - 1994 - 19 ай - с 4 (ирид. к. Вез. Брод. Ве.)

Впервые тема Москвы снизошла на писателя в юности — «в золотой Троицын вечер» 1901 года. Он создавал тогда «Симфонию (2-ю драматическую)» — так называлась первая вышедшая в свет книга, узаконившая псевдоним «Андрей Белый». Статьи же его шли тогда еще за подписью «Студент-естественник», ибо он учился на естественном отделении математического факультета, где преподавал его отец — профессор Николай Васильевич Бугаев, знаменитый математик. Мать очень не хотела второго математика в семье и таяла одаренного сына к роялю. Композитор С. И. Танеев, живший по соседству, его похваливал. Боренька Бугаев поначалу принужден был скрывать от родителей свою первую книгу и свое новое имя.

... Однажды сдав экзамен, он вернулся домой, на Арбат. В квартире было пусто и тихо. Все жили на даче, мебель стояла в чехлах. Ему не терпелось продолжить прерванное сочинение, вещь совершенно исключительную по форме: словесный текст обрабатывался по законам музыки, с использованием контрапункта, лада, звуковой инструментальной прозы. О чем тогда ему писалось? Наверное, об этом:

В своей одинокой квартире на 3-м этаже сидел за самоваром человек... Спокойно и тихо смотрели его ясные очи на дверь открытого балкона. С балкона рвался свежий ветерок. Из открытого окна просился в комнату золотой Троицын вечер.

Этот ветерок разносит запах белой сирени, задувает сквознячком, рвется во все окна описанной Белым Москвы. «...Погоду сфотографировал», — вспоминал он впоследствии.

И не только погоду! «Сфотографировал» множество уличных сцен, наподобие тех, которые мы видим на старых московских открытках.

Дворники поднимали прах столбом, не смущаясь гримасами прохожих, гогоча коричнево-пыльными лицами.

Проехали поливальщики в синих курточках..., сидящие на бочках. Из бочек обильно лилась вода..., разводила грязь...

На улице варили асфальт. Шел чад. Асфальтировщики по целым минутам висели на железных стержнях, помещивая черную кашу в чанах. Потом выливали на тротуар, посыпали песком...

Пешеходы сменялись, как минуты. И каждый прохожий имел свою минуту прохождения по каждому месту.

Дети в матросских курточках катали обручи... Показались самокатчики.

День кончался. На Пречистенском бульваре играла военная музыка... На бульвар пришли многие обитатели домов и подвалов.

В пробежке автора по Москве мелькают

названия, исхоженных им мест: Остоженка, четыре Зачатьевских переулка, Воронухина горка, Полуэктов переулок, воспетая им потом в поэме «Первое свидание» церковь Неопалимой купины. Стоп-кадром выхвачены некоторые узнаваемые сегодня дома: модный декадентский с громадным окном, дом в псевдогреческом стиле: с 6 колоннами, на которых стоят каменные девы с каменными подушками на головах (по-видимому, на Маросейке).

Бытописательская жилка Андрея Белого, проявившаяся в зарисовках, — лишь элемент стиля. Главная же особенность его, как отмечал В. Брюсов, — в умении

«смешать различные «планы»... пронизать всю мощную повседневность лучами иного, неземного света». Действительно, повседневное течение жизни в «Симфонии» захлебывается волнами: то умонастроениями «нового слоя людей» (и тогда «серая дымка висит над Москвой»), то «неземной свет» идет от Москвы вечных святых. В резко шаржированной манере даны образы мистиков: «Сеть мистиков покрыла Москву. В каждом квартале жило по мистике. Это было известно квартальному». Белый считал, что, изобразив их несуразные собрания на Остоженке, он как бы предугадал появление аналогичных через несколько лет. Но современного читателя больше поражает, что предвидения А. Белого оказались намного более долгосрочными. Нам знакома теперь картина таких собраний, о которых можно сказать: «Словеса были мнози». Белый записывал: «Все это вздор, — возражает один оппонент, — они идут против здравого смысла. Здравый смысл научает терпению. Только через пять лет возможны неожиданности».

И как тут не поддасться соблазну и не переместить по ассоциативным линиям другие образы в наше время. Например, солидного редактора-либерала, а также демократа, которые отпускают резкость за резкостью в адрес человека другой ориентации.

Не из нашего ли времени предугаданные Белым фантомы московской жизни: «Дымка повисла над Москвой», — повторяет он много раз. Или: «Тяжелый межпланетный шар пронесся неизвестно откуда. Со свистом он врезался в земную атмосферу». На улицах Москвы 1901 года возникли странные персонажи, не из нашего ли времени? Заезжий жулик из южной провинции, ночные грабители квартир, теософы из Лондо-

на, везущий с собой странную особу из Индии. Или — участники таинственных мистерий. Или — кучки бритых людей, о которых сказано: «Это были... хамы, которые на все знали ответы». А чего стоит красногубый негр, который

гордо шел вдоль освещенной улицы в изящном цилиндре и с иголки одетый... смотрел по сторонам и нагло думал: «Где же Москве до Чикаго!».

Перед автором вставал «неосознанный образ всеобщего одичания и вырождения». Начало XX века заразило Москву оккультизмом, мистицизмом, демонизмом. Некий старый ученый говорит по поводу молодежи:

«Они кокетничают со мраком... В их душе поселилась любовь ко лжи... Все это было бы извинительно, если бы они верили в эти нелепости... Но ведь они им не верят... Им нужны только пряные несообразности...».

Все это приметы начавшегося века. Пристально вглядывается в них А. Белый, подмечая их уродливости. Так жить нельзя, хочет сказать он, это гримаса жизни.

В подвальном этаже чиркала канарейка. Здесь работал сапожник, созерцая мелькавшие ноги пешеходов. Проходили сапоги со скрипом, желтые туфли, проходило отсутствие всяких сапог.

Парадоксально сошлось слово Андрея Белого с действительностью. Последние два года своей жизни он провел в подобном подвале. Там он писал свои последние страницы у окна, которое долгие часы загоразивали ноги людей, стоящих в очереди в молочную (Плущиха 53, кв. 1).

«Симфония» Белого проникнута образами Апокалипсиса, читать ее нелегко, ее наполняют «ужасы и бреды». Белый пояснял, что его произведение предназначалось для домашнего чтения, в кругу близкой ему семьи Соловьевых, соседей по дому. К сожалению, их квартира на втором этаже не вошла в мемориальный комплекс. А ведь именно в ней произошло рождение фигуры с именем «Андрей Белый». Этот псевдоним ему придумал М. С. Соловьев, на свои деньги издавший его первую книгу. В этой квартире произошло одно из важных событий — знакомство писателя с философом Владимиром Соловьевым, который оказал на молодого литератора огромное влияние. Реминисценциями из писаний Соловьева наполнена «Симфония», да и сам воскресший философ появляется в ней много раз — призраком клонящейся к закату Москвы. При домашнем прочтении ничего не надо было разгадывать: ни зашифрованных имен, ни жаргонных словечек, ни даже такой странной фразы: «В нижнем этаже кому-то выдернули зуб». Ведь это происходило часто за стеной упомянутой квартиры, там находился кабинет зубного врача.

Главное, за что любили «Симфонию» современники, — страницы о Москве. О той,

о которой сказано: «Это была Москва ранним майским утром. Это была Москва в Троицын день». Все темы в «Симфонии» покрывает лейтмотив Троицы: музыка и сияние этого праздника, во время которого звонили все колокола, а Храм Христа Спасителя плыл над Москвой великаном.

Беленькая чистенькая церковка с серебряными главами приветливо гудела во славу Св. Троицы. Пели «Иже херувимы»... Лучи золота врывались сквозь узкие окна и почивали на сияющих ризах; мелкий дымок фимиама мягко стлался в солнечных лучах...

Все, что ложилось в тот день на бумагу, было давно знакомо Андрею Белому. Троице-Арбатская церковка стояла напротив окна бугаевской квартиры, в ней его крестили.

...Наступил вечер, а Боря Бугаев расписался и не мог остановиться. Он вынес стол со свечами на балкон и заканчивал свое творение «под зарею немеркнувшей Троицы, плавно переходящей в Духов день».

Сколько людей сейчас проходят мимо арбатского дома, украшенного чугунными балконами, и мало кто знает, какое действо происходило тут под Духов день 1901 года на угловом балкончике 3-го этажа, нависшем прямо над аптекой. С балкона тогда самого высокого арбатского дома (о трех этажах!) улица просматривалась насквозь, отсюда наблюдались необыкновенные «зори»: они весело взыграли в «симфоническом» тексте. Сакральный смысл выходов на балкончик отразился в известной строке Андрея Белого: «Выходишь в вечность... на Арбат».

Арбат — средоточие всех впечатлений бытия юного Бориса Бугаева. «Я — не москвич, я арбатец-пречистенец», — говорил он. Когда он оказывался «на отлете», вдали от родимой улицы детства, его не просто одолевала тоска, он полностью погружался в арбатскую стихию, писал бесчисленное количество страниц автобиографической прозы, художественной и мемуарной. Апервые его импровизации — о ночном Арбате — вошли в «Симфонию»:

Выйдя на балкон третьего этажа можно было заметить

Два ряда золотых огоньков вдоль спящих улиц

Вдали огоньки сливались в одну обшную золотую нить...

Всю ночь горизонт не засыпал, но светился, Точно горела за горизонтом святая свечечка.

А утром поднялся к другу Сережа Соловьев, чтобы вместе совершить прогулку в Новодевичий монастырь, обычную прогулку, которую они совершали последний год к могилам почивших «учителей»: Л. Поливанова (директора гимназии, в которой оба учились) и любимого философа Владимира Соловьева. Это было своего рода ритуальное хождение через Арбат к Храму Христа Спасителя, далее по Пречистенке и Девичьему полю к монастырю. Позднее этот путь будет описан Белым в поэме «Первое свидание», во многом повторяющей настроения «Симфонии», написанной тоже в Духов день, но уже 20 лет спустя.

Бывало за Девичьим полем Проходит клиник белый рой

И возникает в неба ширь Новодевичий монастырь.

«Симфония» и родилась как результат впечатлений от хождений по любимым местам Москвы в лучах зари. Шли сравнивать написанное с происходящим, а происходило все точно так, как было описано в «Симфонии»:

Внутри обители высился розовый собор с золотыми и белыми главами; кругом него возвышались мраморные памятники и железные часовни... Близу красного домика сидела монашенка под яблоней, осыпанной белыми цветами...

Огоньки попыхивали где-то на могилах. Черная монашенка зажигала лампадки над иными могилками, а над другими не зажигала.

Ветер шумел металлическими венками, да часы отбивали время...

На этой ноте и заканчивалось первое юношеское произведение Андрея Белого, которое он любил называть «Моя московская симфония».

Татьяна АНЧУГОВА, кандидат филологических наук
НА СНИМКАХ: Андрей Белый, начало XX века; Арбат, 55, — здесь родился и жил А. Белый, жили М. С., О. М. и С. М. Соловьевы, бывал А. Блок.